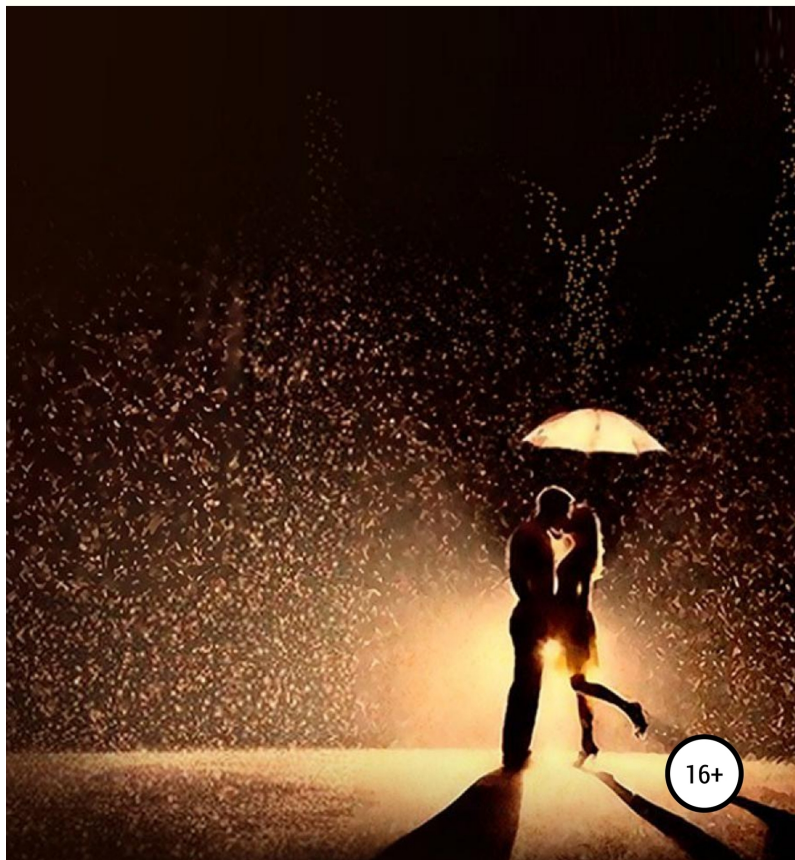

Эйс Нова

Ты не выдумка

16+

Эйс Нова

Ты не выдумка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48412736

SelfPub; 2019

Аннотация

Корабли. Рассветы. Жёлтые свитера. Лимоны. Сладкий чай. Карамельные волосы. Кофе. Созвездия. Рисунки. Пионы. Коньки. Шоколадные конфеты. Раньше ты состояла из этих вещей. Но ты не образ, который стирается из памяти. Я люблю тебя.

Ты любила слякоть и всю эту весеннюю грязь, все эти лужи и тающий снег.

Мастерить весь вечер семнадцать бумажных корабликов и на рассвете семнадцатого числа пускать их по ручейкам, радуясь началу весны, настоящей весны. А я любил, когда ты была счастлива.

Но перестала. Перестала делать кораблики, перестала встречать рассвет, перестала радоваться весне. Но я не перестал любить тебя.

Было много красивых рассветов, но тебе они перестали быть интересны. Вода тебе нужна была лишь для того, чтобы утопиться, теперь не для корабликов.

Ты любила желтые свитера и лимоны, ярко-желтые и кислые-кислые. В нашем доме всегда стояла тарелка с дольками лимона, которые ты всегда нарезала перед работой.

Сейчас их нарезаю я, но не ем, потому что терпеть их не могу. Но я люблю тебя, поэтому по-прежнему покупаю их.

Желтые свитера сменили черные и серые. Желтые свитера больше не висели в шкафу, бережно повешенные на вешалки, желтые свитера больше не были сложены ровной, аккуратной стопкой на краю дивана. Тарелка пустовала, потому что ты перестала наполнять ее дольками лимона.

Ты сожгла свои некогда любимые желтые свитера. Кидала в стену чашку, в которой налит сладкий, с тремя ложками сахара чай с кислым-кислым лимоном, переворачивала в истерике стол. Кричала и плакала. Плакала и кричала.

Ты любила ходить с распущенными волосами или неаккуратным, сделанным на скорую руку, пучком.

Но одна непослушная прядка вечно выбивалась, ты всегда, всегда убирала ее за левое ухо. Я любил твои волосы – растекающиеся по твоим плечам горячей карамелью.

Ты больше не ходила ни с распущенными волосами, ни с пучком. Единственной прической, которую ты заплетала, стала коса. Идеальная, такая, в которой прядка к прядке. Больше нечего было заправлять за ухо. Я любил твои волосы, больше не растекающиеся карамелью.

Я продолжал любить их, даже, когда они потускнели.

Пучками выдергивала волосы, рвала их, не слыша мои слова. Я пытался докричаться до тебя, но ты только сильнее вцеплялась в них руками. Они падали на пол. И я не в силах был остановиться тебя.

Ты любила пить кофе, сидя на ступеньках и смотреть на ночное небо. Благодаря тебе я узнал, где находится большая медведица и созвездие стрельца. Ты любила звезды.

Но сейчас я смотрю на них один. Без тебя.

За место кофе пришли сигареты. Сначала одна. Потом две. Три... Ночное небо больше не было интересно тебе, его заменил белый потолок над кроватью, в который ты теперь смотрела часами, так же, как когда-то на звезды...

Откуда эти раны, дорогая, на твоих руках? Зачем?! Зачем ты тушила эти бычки о свои руки? Ты думала, что причиняешь боль только себе.

Но своими поступками причиняла ее и мне.

Ты любила рисовать, особенно карандашом и особенно пионы. Иногда, когда у тебя было особенное вдохновение, так я его называл, весь пол был усыпан листам с набросками, а посреди всего этого хаоса сидела ты, рисуя очередной шедевр.

Мне не хватало твоих рисунков, не хватало пионов. Аquareль, гуашь, мелки, карандаши, разнообразные кисти, мольберт, бумага и все, что когда-то не могло и пары дней пролежать без использования, переместилось на чердак. Ты больше не хотела рисовать.

Но все же ты достала все с чердака. Я был рад, думал, что потихоньку, но все станет так, как было.

Но ты вернула вещи лишь для того, чтобы в клочья разорвать и разбить.

Уничтожить еще одну часть себя.

Ты любила смотреть парное фигурное катание и представлять себя фигуристкой.

Однажды ты ушла в магазин за хлебом, а вернулась с коньками и, конечно же, без хлеба.

Уже на следующий день ты вытащила меня на каток. Тогда ты была так счастлива.

Ты плакала, когда убирала на антресоль коньки. Плакала, потому что не хотела, но убирала. Голубые с белыми шнурками. Ты убрала их и больше не доставала. На телевизоре заблокировала все спортивные каналы.

Лезвие. Но не от коньков. Лезвием ты резала вены. В следах и с окровавленными запястьями я застал тебя, когда вернулся с работы, с лезвием в руках... у твоих ног стояли голубые с белыми шнурками коньки.

Ты любила шоколадные конфеты в красивых обертках. Как-то ты решила собрать свою коллекцию фантиков. За несколько месяцев ты насобираала два пакета, не без моей помощи, конечно.

Не было теперь и шоколадных конфет. Ты выкинула свою коллекцию. Ты выкинула то, что так долго собирала, и я не знал, почему.

Я не знал, почему ты все это делала. Но знал, что ты была больна. И тебя надо было спасать.

Мне пришлось отдать тебя. Потому что я не мог помочь тебе, а они, врачи, могли. И я поверил.

Меня почти не пускали к тебе. Я готов был выламывать двери психиатрической больницы, но какой в этом был бы толк? Меня бы все равно не пропустили.

Все, что мне оставалось, это топтаться на пороге и смотреть в окна в надежде на то, что ты посмотришь в одно из них.

И увидишь, что я пришел. Что я никуда не денусь.

Но это было невыносимо.

Я забывал тебя, пытался забыть, но так и не смог. Не хотел, но пытался забыть, потому что так было надо. Так было бы лучше.

Запивал алкоголем, топил в боли, разбивая кулаки о стены в кровь, но так забыть не смог.

Только не тебя!

Воспоминания о тебе с каждым днем тускнели, становились не такими яркими, как раньше, блеклыми.

Но я хватался за них как умирающий за кислородную маску. Ты была в каждом из них. Я не хотел забывать тебя.

Проснувшись однажды, я понял, что забыл, как звучит твой голос.

Я никак не мог вспомнить, сколько ни пытался, как он звучит. Как произносит мое имя.

Я не помнил грубый он или писклявый. Я забыл твой голос. Но я помнил только то, что он самый родной и любимый.

Потом я заметил, что не помню цвет твоих глаз. Они были самые красивые, я уверен, но я не помнил, были они зеленые, голубые, карие или, может быть, серые.

Но они были самые красивые. И я забыл их.

А как-то, выпивая очередную бутылку и подходя к зданию, в которое мне было не попасть, я понял, что забываю с каждым днем тебя все больше и больше.

Все смешалось. Спуталось. И я уже не понимал, была ли ты на самом деле в моей жизни или просто приснилась.

Как медленно тебя я забывал, но так и не смог забыть. Потому что нельзя забыть, нельзя разлюбить того, кого никогда и не было. Тебя никогда не существовало.

Я полюбил тот образ идеальной девушки из моей головы,

что сам же и создал. Тебя никогда не было.

Только в моей голове... Но я продолжал любить тебя.

Врачи рассказали мне правду. Что реальность не такая. Что в ней НЕТ тебя! Что я болен.

Мои воздушные замки рухнули. Цветочный сад завял. Разбились вдребезги розовые очки.

Я мечтал о том, как у нас с тобой все будет хорошо... пустые надежды на счастье... сейчас от них только большее.

Я не хочу принять то, что тебя НЕТ!

Мне больно. Твой голос, он звучит в моей голове! Тебя нет!

Ты делаешь мне больно своими словами, хотя знаешь... Нет, ты ничего не знаешь!

Не знаешь, как сейчас слезы жгут мне лицо, как я задыхаюсь от рыданий, как кричу во все горло, от боли, что разъедает изнутри.

Ты снишься мне. Где-то в семь сорок или в семь сорок пять.

Счастливой и с карамельными волосами, а на фоне – пионы, целое поле.

Я хватаюсь за кончик яви, не хочу видеть тебя. Хочу проснуться. Но крепкие узы сна, в котором я схожу с ума, который стал для меня самым страшным кошмаром, не разрушить, не разорвать.

Я воплю : «Уйди, исчезни!», плачу долго и сильно, смотря на пионы.

Все сны с тобой – будто титры , что идут после фильма, где героев ужасно жаль...

И я не хочу терять тебя. Не хочу ненавидеть тебя. Не хочу поступать с тобой вот так вот.

Так почему же ты поступаешь со мной вот так? Почему ты разрушаешь меня?

Как медленно тебя я забывал. Но так забыть не смог. Потому что с тобой мой мир бесконечно лучше, чем без тебя.

Я не пью лекарства, ведь если они подействуют...ты исчезнешь. Они убьют тебя.

Исчезнешь ты – исчезнут кораблики, лимоны, свитера, конфеты, картины, пионы, звезды, рассветы, закаты, улыбки, слезы, весна, коньки, кофе.

Ты есть в каждом моем воспоминании. И я не хочу, чтобы ты исчезала, не хочу! И не допущу!

Я смотрю перед собой и вижу белую стену. Смотрю по сторонам и вижу белые стены.

Смотрю наверх и вижу белый потолок. Смотрю вниз и вижу белый пол. Но не вижу тебя.

Я выхожу в коридор. Мои шаги раздаются эхом по коридору. Вокруг врачи, вокруг пациенты и...ты.

Когда мы впервые встретились, ты была для меня никем, но спустя время твое лицо стало единственным, которое я бы узнал в толпе.

Это была ты.

– Тебя нет... – я в панике отступаю назад, спотыкаюсь и

падаю на пол. Но сколько бы я не смотрел на тебя, ты не исчезала.

Тебя держали под руки двое санитаров, но даже их усилий оказалось недостаточно, чтобы удержать тебя, когда ты вырываешься и бежишь.

Бежишь ко мне.

Я поднимаюсь и бегу на встречу. К тебе.

– Ты правда, правда реален? – шепчешь ты, смотря на меня. Глаза у тебя зеленые. Я вспомнил. Они зеленые.

– Да...

– Мне говорили, что тебя нет... что это только моя выдумка... но ты есть... – ты плачешь и улыбаешься, а я смотрю на тебя и понимаю, что снова счастлив...